

Рена

Жуманова

Рена Жуманова – поэт из Кокшетау. Музыковед по образованию, преподаватель музыкального колледжа, выпускница историко-теоретического факультета Алма-Атинской консерватории. Стихи и небольшие рассказы писала уже в ранние школьные годы, но публиковаться начала довольно поздно. Финалист национальной премии «Поэт года-2012». Участник международных поэтических конкурсов, в том числе – имени Сильвы Капутикян (2011), «Заблудившийся трамвай» (2014), «И ляжет путь мой через этот город» (2014). В марте 2015 г. окончила дистанционные Курсы литературного мастерства А.В.Воронцова, а в мае в издательстве «Мир печати» вышел в свет ее первый поэтический сборник.

«НА СВЕТЕ СЛУЧАЙНОСТЕЙ НЕТ...»

* * *

Дочь климата континентального
с приставкой «резко», я ценю
миг благоденствия повального
под знаком лета в стиле «ню».
Развеселится тварь, дрожащая
подряд семь месяцев в году,
чья жизнь давным-давно пропадающая,
как грешник в дантовом аду.
Не позабыть мне бодрой поступи
трех жизнерадостных бродяг
лиловолицых, в эту ростепель
влекущих вдаль фрагменты фляг
и остов водонагревателя –
в края, где гибнут за цветмет
десятки уличных старателей
под звон бутылок и монет...

* * *

Я – лавровый листок, пощаженный небрежной кухаркой,
в узкой щели, в пыли, за плитой – невредим, молчалив.
Я – динар устаревший в Аравии солнечно-жаркой,
закатился в прореху – бесчувствен хозяин-калиф.

Я – молочная строчка средь сонма впечатанных литер,
без огня непрочитанный космосом млечный изыск.
Я – блокадный, надменный и гордо-язвительный Питер,
я – в эпоху CD раритетный виниловый диск.

Я записана сбоку неверной дрожащей десницей –
маргинал, агнец с волчьим оскалом и пульсом стиха –
на полях Книги Судеб, где рядом плебей и патриций,
аутсайдер и принц, облаченные в рвань и меха.

На полях – ибо в игры жестокие я не играю,
на полях – потому что не гну позвоночник в дугу,
на полях я, а не по-над пропастью, то бишь по краю
семеню потихоньку сквозь хлесткую жизни пургу.

Я шуршу серой мышью, и волосы собраны в хвостик,
я с народом – в автобусах пыльных и в темных очках,
между мною и ним камышовый игрушечный мостик –
трепыхаемся, в общем, в одних мы и тех же сачках.

Энтомолог-Судьба нас пришиллит умело и споро,
но и здесь я не в центре, а с краю повисну, увы.
Ни к чему мне конфликты и дразги, дуэли и споры,
я хочу замереть наподобие мудрой совы.

Не нужна я Отчизне, замечена буду не сразу –
безделушка, забытая в полной коробке на дне,
ведь мечу не икру, не копьё – правды горестной стразы,
а они в государстве моем далеко не в цене.

Шматки синтепоновой рвани
плывут из-за горной гряды,
Обломовы спят на диване,
Лопахины рубят сады.

Мигрирует лох-гастарбайтер –
Империи Вечный Чучмек,
рекламу строчит копирайтер
и чистит «Беретту» абрек.

Младенцы сосут кока-колу,
а старцы виагру жуют,
лжесудьи по фальш-протоколу
на фарш винторогих сдают.

Мавроди плодит пирамиды,
бросается с крыши должник,
заткнул олигарх Немезиду
и Зевса засунул в нудник.

Едим ГМО-апельсины
и бройлером жирным хрустим,
но мир изменить мы бессильны.
Живем, как живем. И грустим.

Чиркаю спичками. Пламени жжет язычок.
Так – без конца, и от сердца немного оттянет.
Осень и тьма за окном здесь, увы, ни при чем.
Кухня. Безмолвие. Ночь. Бормотание в кране.

Чувства – такая вот ломкая, хрупкая дрянь:
плюнуть, не глядя, смахнуть, черепки презирая.
Стылой октябрьской ночью бездомная пьянь
только и счастлива – сном алкогольного рая.

По перекладине можно ногами вполне,
так и по мне – невзначай, не заметив вибраций...
Лёд, субфебрильная, отсветы в черном окне,
жжение в кончиках тонких, измученных пальцев...

НОЧЬ

Кровоподтеки кучевые на закате
(то зацелованные вусмерть небеса),
она идет в поход по старым адресам,
и от Шанель не греет маленькое платье.

Ее шагов пристойно-мирный антураж –
рукопожатье, теплый взгляд, слова без треска
и диск любимый с ми-мажорной «Арабеской» –
давай махнем без сожаленья, баш на баш.

Взамен получим парафразы из «Кармен»,
объятья, огненные взоры, кастаньеты

речей без фильтра, средь зимы устроим лето –
пускай ворвется знойным ветром перемен.

Колдунья Бальмонта скользит, и чей-то ластик
границы времени исподтишка – долой,
и ночи волшебству не стать золой,
а новый день забот сулит земное счастье...

* * *

Сотни три винтовых ступеней прошагаем монашьям маршем,
успокоив сердцебиенье, пролетающим птицам машем.
Воспоем человеческий гений и дитя Петра-самодержца.
Здесь повсюду великих тени, да в Европу прорублена дверца.
На Неве еще лед не тает, но католики щиплют вербу.
А в мозгу – Татьяна Толстая и эссе с передозом гипербол.
«Март хорош, мол, для умерщвления брэнной плоти гостей Пальмиры:
взять хотя б одно дуновенье чем-то страшным с реки. И сырым,
бесприютным, чужим несешься колобком побыстрее к жилищу,
к батарее горячей жмешься, впопыхах поглощаешь пищу...»
Ах, никчемно стремленье Ваше малевать Питер в мрачных красках!
Я не видела города краше, и со мной он был тих и ласков.
День безветрен, светлое небо, и Петрополь пьянит прозрачный.
Здесь остаться навеки мне бы. Туристический пыл не растрочен.
Я вернусь когда-то в июне, для бессонных ночей «без лампы»,
с вязью слов, не избитых втуне, в дар волшебному Петрограду...

НЕВСКИЙ ЭТЮД

Я не помню, художник озябший, твой город таким,
Как его рисовали мне разные русские книги:
Флёр безумия легкого, холод предсмертной тоски,
Меланхолии нота, продленная скобочкой лиги...

Незадавленным голосом крови, акынской строкой
Я пою то, что вижу и чувствую, знаю и слышу,
В свой черед восторгаясь затянутой льдами рекой
И державным величьем с высот Монферрановой крыши.

Я запомню не праздный вопрос – мол, в какие края
Увезем мы картинки с чуть видной в углах монограммой.
Разведенный дворцовый, Исаакий – частица твоя –
Антураж авангардно-бессмысленной вычурной драмы.

Не запомнит сердечная мышца жестокий урок,
Ведь забвение – верный залог долгой жизни и счастья.
Лишь билетик из Дома Фонтанного, смятый листок,
Завалившийся в сумочке, – прошлого звучное «здрaсте».

Отчего так бывает? На свете случайностей нет.
Значит, где-то в сценарии эта записана встреча.
Но порой разобрать, откровение то или бред,
Ни премудрое утро не сможет, ни скомканный вечер...

* * *

Напиши пару строк без прикрас, малой прозой, по мейлу.
Это больше похоже на правду, чем сонмы стихов
про Ромео с Джульеттой там, или Меджнуна и Лейлу,
Кыз-Жибек с Толегеном и прочих влюбленных лохов.
Ты же знаешь, как быстро горит подожженное сено?
Пламя ввысь до небес – и несчастная кучка золы.
Так зачем же опять пробивать возведенную стену,
вызывая ушедшие тени из призрачной мглы?
Есть друзья и подруги, там всё обозримо и ясно,
нет коралловых рифов, с опасностью врезаться в мель.
А душа – это воск, но еще не топленое масло.
Не загнать ее в тубик, как жидкий податливый гель.
Наши жизни идут установленным курсом в реале,
а «высокая степень безумства» – зира с куркумой.
Если чувства, как желтые листья, еще не опали,
напиши. Ты же помнишь е-мейл незатейливый мой.

